

Космические прятки

Сборник
фантастических
рассказов

Костя
Пластилинов

Костя Пластилинов

Космические прятки

«Автор»

2026

Пластилинов К.

Космические прятки / К. Пластилинов — «Автор», 2026

Приготовьтесь, мы взлетаем! Перед вами сборник фантастических рассказов для самых маленьких читателей, о дружбе, о морали, о том, что за каждой печалью обязательно придет новая радость. Старт!

© Пластилинов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ первый. Любовь к искусству	5
Рассказ второй. Как космонавты научились слушать звёзды	7
Рассказ третий. Дружба с метеоритом	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Костя Пластилинов

Космические прятки

Рассказ первый. Любовь к искусству

В городе Хрустальных Шатров, где дома росли, словно кристаллы, жил юноша по имени Коллинз. Его дом был особенным — стены переливались всеми цветами радуги, а вместо окон сияли живые картины, созданные из света и звука.

Коллинз был хранителем коллекции «оживающих полотен» — картин, которые могли рассказывать истории, петь и даже слегка двигаться при правильном освещении. Он знал про каждую из них всё: откуда она пришла, какие тайны хранит, какие мелодии умеет напевать.

Но была одна тайна, которую не могли раскрыть даже волшебные картины: куда исчезла его подруга Иветта — девушка с глазами цвета утренней росы и голосом, похожим на звон хрустальных колокольчиков.

Каждый вечер к Коллинзу приходили гости — ценители искусства, мечтатели и путешественники. Они восхищались:

картиной-океаном, которая шумела прибоем и пахла солью;
лесом-симфонией, где деревья играли музыку листочками;
звёздной дорожкой, что светилась в темноте и показывала созвездия далёких миров.

Но Коллинз всё чаще ловил себя на мысли: ему не хватает Иветты. Она одна умела слышать то, что молчали картины:

как вздыхает старый дуб на пейзаже;
о чём шепчут волны на морском холсте;
почему звезда на ночном полотне слегка дрожит.

— Ты слишком заиклен на совершенстве, — говорила Иветта. — А настоящее искусство — это когда ты сам становишься частью картины.

Однажды она ушла, оставив на столе рисунок: два силуэта, держащиеся за руки на фоне восходящего солнца.

Через месяц в дом Коллинза доставили новую картину — «Затерянный город». Она была прекрасна: башни из лунного камня, реки из звёздного света, мосты-радуги...

Гости восхищались:

— Это шедевр!
— Такого ещё никто не видел!

Но Коллинз чувствовал: что-то не так. Картина была холодной. Она не пела, не дышала, не отзывалась на прикосновение.

Ночью ему приснился сон: Иветта стояла в этом городе и звала:

— Найди настоящую красоту. Она там, где бьётся сердце.

На следующее утро Коллинз решил: он дотронулся до картины и... провалился внутрь.

Оказавшись в Затерянном городе, он понял: это не просто картина, а ловушка для души. Город был прекрасен, но пуст — в нём не было ни смеха, ни песен, ни живых чувств.

Вдруг он услышал знакомый звон — это Иветта играла на хрустальной арфе. Она оказалась пленницей города: её голос подпитывал иллюзию совершенства.

— Этот город создан из одиночества, — объяснила она. — Он забирает тех, кто слишком любит безупречность и забывает о живых чувствах.

Коллинз понял: чтобы спасти Иветту, нужно создать что-то настоящее — не идеальное, но живое.

Он достал из кармана старый карандаш и начал рисовать прямо на стене города:

солнце с неровными лучами;

дерево с кривым стволом;

двух людей, держащихся за руки.

И вдруг:

солнце засветилось тёплым светом;

дерево зашелестело листьями;

а силуэты на рисунке ожили и помахали им.

Город задрожал. Иллюзия рассыпалась, и Иветта освободилась.

Вернувшись домой, Коллинз сделал неожиданное:

Открыл все двери и окна — впустил ветер и пение птиц.

Снял несколько картин со стен и отдал их в городскую галерею, чтобы другие могли наслаждаться.

На самом видном месте повесил тот самый детский рисунок Иветты — два силуэта на фоне солнца.

Теперь, когда гости приходили в его дом, Коллинз говорил:

— Хотите увидеть настоящее чудо? Пойдёмте в сад — там цветёт сирень, а в пруду отражаются звёзды.

А по вечерам они с Иветтой:

рисовали вместе — иногда смешно и криво, но всегда с улыбкой;

сочиняли музыку из звуков дождя и кошачьего мурлыканья;

устраивали «выставки» из камней, листьев и причудливых теней.

Прошло несколько лет. Дом Коллинза изменился:

стены больше не были покрыты картинами — вместо них появились полки с детскими рисунками, ракушками и другими сокровищами;

в гостиной стоял большой стол для творчества, заваленный красками и бумагой;

а во дворе вырос сад, где цвели растения из разных миров.

Однажды старый коллекционер, увидев это, покачал головой:

— Но где же ваши шедевры?

Коллинз улыбнулся, глядя на Иветту, которая учила соседских детей делать бумажных журавликов:

— Вот они. Настоящее искусство — это не то, что висит на стене. Это то, что живёт в сердце и делится радостью с другими.

Рассказ второй. Как космонавты научились слушать звёзды

На далёкой-далёкой космической станции «Сириус-3», что висела в пустоте между созвездиями Лебедя и Лиры, жили два друга-космонавта — Максим и Алиса. Станция была похожа на огромный стеклянный пузырь, сотканный из серебристых нитей и мерцающих панелей, а внутри неё царил мягкий, приглушённый свет, будто от далёких звёзд, до которых можно дотянуться рукой. Стены переливались оттенками синего и фиолетового, а в воздухе витал едва уловимый запах озона и чего-то неуловимо космического — словно ветер с другой галактики.

Максим и Алиса были самыми молодыми исследователями на борту, но уже успели провести десятки экспериментов и даже открыть новый вид космических кристаллов, которые переливались всеми цветами радуги, если повернуть их под определённым углом. Эти кристаллы, похожие на застывшие капли звёздного света, хранились в специальном контейнере у иллюминатора, и иногда, когда мимо пролетала особенно яркая комета, они начинали мерцать в такт её хвосту.

Но была у них одна мечта — услышать звёзды. Максим часто сидел у панорамного окна, прижимая ладони к холодному стеклу, и смотрел, как огни Вселенной пульсируют в бесконечной тьме.

— Ведь они же светятся! — говорил он, не отрывая взгляда от мерцающих точек. — Если светят — значит, и звучать должны!

Алиса, сидевшая рядом с голографическим блокнотом, задумчиво крутила в руках стилус. Её волосы, собранные в небрежный пучок, слегка шевелились в слабом потоке воздуха из вентиляционной системы.

— Но в космосе нет воздуха, — возражала она. — А звук без воздуха не распространяется. Так нас учили.

— А вдруг звёзды поют на каком-то другом языке? — не сдавался Максим. — Может, это не обычный звук, а что-то... волшебное? Что-то, что можно услышать не ушами, а сердцем?

И вот однажды ночью, когда станция проплывала мимо туманности «Шелковистый Платок», случилось нечто странное. Звёзды вдруг замигали в особом ритме — раз, два, три, пауза, раз, два... Их свет то становился ярче, то угасал, словно кто-то подавал сигналы азбукой Морзе, но не из точек и тире, а из вспышек и теней.

— Они передают сигнал! — воскликнула Алиса, вскакивая с кресла. — Это же код!

Максим схватил планшет и начал записывать последовательность вспышек, отмечая каждую паузу и изменение интенсивности. Когда они расшифровали её, оказалось, что это была не просто случайность — это была мелодия. Простая, но завораживающая, как колыбельная, которую напевают в далёком доме на краю галактики.

Друзья бросились к главному инженеру станции, дедушке Виктору, который знал всё про космические аппараты и даже умел чинить двигатели с закрытыми глазами. Он сидел в своей мастерской, окружённый парящими в воздухе схемами и деталями, и что-то напевал себе под нос, ловко управляясь с микросваркой.

— Дедушка Виктор! Звёзды поют! — выпалил Максим, едва переступив порог.

Инженер потёр седую бороду и хитро прищурился:

— Поют, говоришь? Ну, в каком-то смысле — да. Звёзды излучают не только свет, но и радиоволны, гравитационные колебания... Может, их можно превратить в звук?

— Превратить?! — хором воскликнули юные космонавты.

— Конечно! — подмигнул дедушка Виктор. — Есть такой прибор — спектрофон. Он переводит электромагнитные волны в звуковые колебания. Раньше его использовали для изучения пульсаров, но мы можем настроить его на обычные звёзды!

Три дня они трудились без устали. Алиса разбирала старые схемы, Максим собирал детали, а дедушка Виктор что-то бормотал себе под нос, время от времени издавая торжествующие возгласы. И вот, наконец, прибор был готов. Он напоминал большой хрустальный шар с мерцающими внутри нитями света, которые то сплетались в узоры, то расходились, как лучи далёких солнц.

Алиса нажала кнопку.

Сначала раздался тихий шорох, похожий на шелест космического ветра, пробегающего по невидимым пескам галактик. Потом — низкий гул, глубокий, как океан, бесконечный, как сама Вселенная. А затем... звёзды запели.

Это был не обычный звук — он переливался, дрожал, то нарастая, то затихая, словно хор невидимых существ, поющих на языке, которого никто раньше не слышал. Мелодия то взмывала вверх, как комета, то опускалась в тихие, бархатные глубины космоса, то рассыпалась на тысячи звенящих нот, будто осколки звёздного дождя.

Новости о «поющих звёздах» разлетелись по всей станции. Скоро к Максиму и Алисе присоединились другие космонавты, а дедушка Виктор организовал целую лабораторию по изучению звёздных мелодий. Они установили спектрофоны во всех иллюминаторах, и теперь станция наполнилась музыкой космоса — тихой, величественной, бесконечной.

Оказалось, у каждой звезды — своя песня. Красные карлики напевали низкие, тягучие мотивы, похожие на колыбельные, которые поют матери своим детям перед сном. Голубые гиганты звучали мощно и ярко, как оркестровые фанфары, возвещающие о великих событиях. Пульсары отбивали чёткий ритм, словно космические барабаны, задающие такт всему мирозданию. А туманности издавали протяжные, переливающиеся звуки, будто кто-то водил пальцем по краю хрустального бокала, наполненного звёздной пылью.

Но самое удивительное ждало впереди. Однажды, когда станция пролетала мимо старой, угасающей звезды, её мелодия вдруг изменилась. Она стала грустной, прерывистой, с длинными паузами, как дыхание уставшего путника.

— Она... плачет? — прошептала Алиса, глядя на дрожащий огонёк за стеклом.

Дедушка Виктор кивнул, и в его глазах отразилось что-то древнее, мудрое, будто он слышал эту песню раньше, много лет назад.

— Звёзды живут и умирают, как и всё во Вселенной, — сказал он тихо. — Эта звезда скоро погаснет. И её песня — это прощание.

Максим задумался, глядя, как угасает свет далёкого солнца.

— Значит, если мы научимся понимать эти мелодии, сможем узнавать, что происходит со звёздами?

— Именно так! — улыбнулся инженер. — Мы не просто слушаем музыку космоса — мы учимся разговаривать с ним.

Шли недели, и космонавты всё лучше разбирались в звёздных песнях. Они заметили, что иногда мелодии складываются в чёткие последовательности — как слова в предложении, как буквы в послании, написанном на незнакомом языке.

— Это же настоящий язык! — воскликнул Максим, сверяясь с данными анализатора. — Нужно составить словарь!

Они начали записывать и анализировать звуки, создавая огромные таблицы, где каждая нота соответствовала определённому явлению: вспышка сверхновой, рождение планеты, столкновение астероидов. И вот однажды прибор уловил странный сигнал — ритмичный, повторяющийся, с чёткими паузами, словно кто-то стучал ключом по металлической панели, передавая важное сообщение.

Алиса вгляделась в графики, где линии вздымались и опадали, рисуя неведомые письмена.

— Это не просто мелодия... Это сообщение!

Расшифровка заняла несколько дней. Оказалось, что сигнал шёл от далёкой звёздной системы, где, судя по данным телескопов, могла существовать жизнь. Когда они перевели его в звук, мелодия получилась удивительно красивой — она напоминала перезвон хрустальных колокольчиков, рассыпающихся в невесомости. А когда пропустили через анализатор, выяснилось, что в ней зашифрованы координаты и схема какого-то устройства.

— Это карта! — догадался дедушка Виктор, разглядывая голограмму, где вспыхивали и гасли точки, складываясь в причудливый узор. — Кто-то хочет, чтобы мы нашли что-то важное.

Решено было отправиться в экспедицию. На борту маленького исследовательского корабля «Мелодия» команда из трёх космонавтов — Максима, Алисы и дедушки Виктора — взяла курс на указанную точку.

Путь был долгим. Они пролетали мимо сверкающих газовых гигантов, чьи атмосферы переливались всеми оттенками оранжевого и синего, сквозь облака разноцветной пыли, мерцающей, как алмазная крошка, мимо звёзд, чьи песни звучали всё громче и отчётливее, сливаясь в величественный космический хор.

И вот, спустя месяцы полёта, они достигли цели — маленькой планеты у умирающей звезды. Её поверхность была покрыта странными узорами, похожими на древние письмена, а воздух, хоть и разреженный, пах чем-то сладким, как запах далёких садов, о которых рассказывают в сказках.

На её поверхности они нашли древний артефакт — огромный кристалл, испещрённый странными символами, которые светились изнутри, пульсируя в такт далёким звёздам. Когда Максим прикоснулся к нему, кристалл засветился и... запел.

Его мелодия слилась с песнями звёзд, и вдруг космонавты увидели образы — яркие, живые, будто проецируемые прямо в их сознание. Они видели другие цивилизации, слушающие космос через подобные кристаллы, корабли, летящие сквозь галактики, звёзды, передающие знания через века, как эстафету мудрости.

— Этот кристалл — космический архив, — догадалась Алиса, глядя, как перед её глазами проплывают картины далёких миров. — Он хранит память о тех, кто когда-либо слушал звёзды!

Образы становились всё чётче. Теперь космонавты видели не просто смутные силуэты, а целые сцены из жизни древних цивилизаций. Вот существа с прозрачными крыльями, похожие на гигантских стрекоз, настраивают огромные хрустальные резонаторы, улавливая вибрации далёких солнц. Вот корабли, напоминающие сверкающие капли ртути, выстраиваются в сложные фигуры, словно танцуя под ритм звёздной симфонии. А вот — целая планета, покрытая башнями-антеннами, которые ловят и передают мелодии космоса от одной галактики к другой.

— Они делились знаниями через музыку, — прошептал Максим, зачарованно наблюдая, как голографические картины сменяют друг друга. — Каждая нота — это информация...

Дедушка Виктор медленно подошёл к кристаллу, осторожно коснулся его грани:

— И мы только что получили часть этого знания. Смотрите!

Кристалл запульсировал ярче, и новые образы хлынули в их сознание. Теперь они видели схемы — не просто чертежи, а динамичные модели, показывающие, как устроен сам механизм «прослушивания» космоса. Тонкие нити энергии соединяли звёзды, образуя сеть, похожую на паутину, где каждая нить вибрировала своей уникальной мелодией.

— Это же... карта энергетических потоков Вселенной! — воскликнула Алиса. — Звёзды не просто светят — они общаются! Передают энергию, информацию, даже эмоции!

Максим вдруг почувствовал, как внутри него что-то отзывается на эти вибрации. Он закрыл глаза и услышал... нет, не ушами — всем телом ощутил низкий, ровный гул, который шёл, казалось, из самой глубины пространства.

— Мы можем научиться так же, — сказал он тихо. — Не просто слушать, а участвовать. Вплетать свои «ноты» в общую мелодию.

Дедушка Виктор задумчиво кивнул:

— В древних легендах некоторых земных культур говорилось о «музыке сфер». Видимо, наши предки догадывались о чём-то подобном, даже не имея приборов.

Алиса осторожно провела ладонью над поверхностью кристалла. Тот откликнулся переливом звуков — высоких, чистых, как звон льда в солнечном луче.

— А что, если мы сможем передать ответ? — предложила она. — Отправить свою мелодию туда, в космос?

Они быстро настроили спектрофон на передачу. Вместо обычного приёма волн прибор теперь генерировал импульсы, превращая простые человеческие эмоции — радость, любопытство, надежду — в последовательность вибраций. Когда сигнал ушёл в пространство, кристалл на мгновение вспыхнул ослепительным светом, а затем... ответил.

Новая мелодия, рождённая где-то далеко, за пределами их понимания, наполнила помещение. Она была тёплой, приветливой, словно объятие старого друга.

— Нас услышали, — прошептал Максим.

Возвращение на станцию «Сириус-3» стало началом новой эры. Учёные со всего мира начали изучать звёздные мелодии, и вскоре открылись удивительные вещи:

по песням звёзд можно предсказывать вспышки и взрывы — они начинают «нервно» пульсировать за несколько дней до события;

некоторые звёзды «общаются» друг с другом, передавая энергию через волны, и их совместные мелодии создают устойчивые энергетические мосты;

в глубинах космоса есть целые «хоры» — скопления звёзд, поющие в унисон, и их ритм влияет на формирование планетных систем.

А Максим, Алиса и дедушка Виктор стали первыми в мире космическими музыковедами — людьми, которые не просто изучают звёзды, а слушают их, понимают и даже ведут диалог.

Теперь на станции каждый вечер устраивали «концерты». Космонавты включали записи звёздных мелодий, а иногда и сами пытались импровизировать, посылая в космос короткие музыкальные послания. И порой, если прислушаться очень внимательно, можно было уловить ответ — далёкий, едва слышный перезвон, словно эхо из другого измерения.

Со временем в школах космонавтов появился новый предмет — «Звёздная акустика». Дети учились не только читать карты созвездий, но и распознавать мелодии звёзд, расшифровывать их послания и даже отвечать им — с помощью специальных приборов, превращающих музыку в свет, а свет — в новые мелодии.

А дедушка Виктор, сидя в своём кресле у иллюминатора, часто улыбался и говорил:

— Кто бы мог подумать, что Вселенная такая... музыкальная?

И когда ночь опускалась на станцию, он включал запись самой красивой звёздной песни — той, что привела их к кристаллу. И тогда казалось, будто весь космос тихонько напевает вместе с ним, сплетая миллиарды голосов в одну бесконечную, прекрасную симфонию.

Рассказ третий. Дружба с метеоритом

В маленьком городке Звёздный Луг, спрятанном среди холмов и сосновых лесов, жили двое неразлучных друзей — семилетняя Соня и её ровесник Миша. Городок был такой уютный, что даже облака, проплывая над ним, замедляли свой бег, а ветер шелестел в листве особенно ласково. Дома здесь были раскрашены в тёплые цвета — персиковый, золотистый и нежно-голубой, а крыши украшали резные флюгеры в виде птиц и парусников.

Соня обожала звёзды: каждую ночь она забиралась на чердак своего дома, раскладывала там подушки, укутывалась в плед с вышитыми созвездиями и смотрела в самодельный телескоп — большую картонную трубу с увеличительным стеклом на конце, украшенную блестящими наклейками в виде планет. В углу чердака стояла её коллекция — стеклянные шарики, которые она считала «замороженными звёздами», и стопка тетрадей с рисунками созвездий, названных в честь её любимых лакомств: «Созвездие Шоколадного Торта» и «Скопление Мармеладных Облаков».

Миша же больше любил мастерить что-нибудь из старых деталей: у него в сарае, похожем на пещеру сокровищ, хранилась целая коллекция шестерёнок, проводов и блестящих металлических пластин, которые, по его словам, когда-нибудь превратятся в настоящий космический корабль. Сарай был увешан схемами, нарисованными на обрывках обоев, а на столе возвышалась полуготовая модель ракеты из жестяных банок, украшенная мигающими лампочками от старой гирлянды.

Однажды вечером, когда небо над Звёздным Лугом окрасилось в глубокие фиолетовые тона, а первые звёзды робко замигали сквозь дымку облаков, раздался громкий хлопок, будто кто-то лопнул огромный воздушный шар, наполненный искрами. Земля слегка дрогнула, и в лесу неподалёку вспыхнул яркий оранжевый свет, рассыпавшийся на тысячи золотистых брызг, как бенгальский огонь.

— Это же метеорит! — закричал Миша, выскакивая на крыльцо и роняя на порог чашку с компотом (которая, к счастью, не разбилась, а закатилась под лавку). — Пошли скорее, пока никто другой его не нашёл!

Соня схватила свой телескоп и помчалась за другом. Они бежали через луг, перепрыгивая через кочки и кусты земляники, а потом свернули в лес. Трава под ногами была влажной от вечерней росы, и каждый шаг оставлял на ней мерцающий след, будто они ступали по россыпи крошечных зеркал. В воздухе пахло нагретой за день хвоей и спелыми яблоками, а где-то вдалеке ухала сова, пересчитывая звёзды.

Там, в небольшой ямке среди папоротников, лежал он — тёмный, блестящий, с неровными краями, ещё тёплый от полёта сквозь атмосферу. Его поверхность переливалась всеми оттенками чёрного — от бархатно-глубокого до иссиня-угольного, а в трещинах мерцали крошечные золотистые искорки, словно внутри камня прятались живые светлячки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.